

Кузнецова Елена Николаевна*,
*доцент кафедры государственного и административного права
ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский
университет имени академика С.П. Королева»,
кандидат юридических наук
(г. Самара)*

«ДОГОНЯЮЩАЯ ДЕМОКРАТИЯ»: ПОНЯТИЕ И ПРОБЛЕМЫ

История идей демократии любопытна,
история же самих демократий сбивает с толку
Дэвид Хелд

Возраст демократической идеи сопоставим с возрастом государства — она дала о себе знать уже в Древнем мире. Содержание этой идеи определялось полисным устройством Древней Греции, что подсказывает уже само слово «демократия». Но античные философы были достаточно далеки от идеализации демократического устройства. Первым последовательным критиком демократии был, по мнению И.Ю. Козлихина, мыслитель периода рождения греческой философии — Гераклит из Эфеса. Его «разумные» аргументы против нее затем широко использовались в древнегреческой философии. Изъян демократии Гераклит видел в том, что в ее условиях правит толпа, которой не свойственно знание. Философ был уверен: править и принимать законы должны знающие, которых всегда немного¹.

За древнегреческой моделью демократии последовали другие. Но при этом всегда, независимо от времени и континента, их сопровождало критическое к ним отношение.

Сомнения в том, что демократия — оптимальная модель государственной организации, имеют место и сейчас. Тем не менее, при всех ее недостатках, трудно представить более справедливую и эффективную.

Однако попытки найти такую организацию предпринимаются: современный американский философ и политолог Джейсон Бреннан не случайно назвал свою книгу «Против демократии». Считая, что демократия поощряет неинформированность индивидуума, он предлагает заменить ее эпистократией, призванной обеспечить учас-

* © Кузнецова Е.Н., 2018

тие во власти знающих и компетентных. Неинформированные избиратели не исключаются, но голосам информированных придается больший вес. Идею в целом трудно назвать новой, но автор прав в том, что в коллективно принимаемых решениях нередко преобладает иррациональное².

Свою роль в критическом отношении к демократии сыграла одновременность провозглашения демократических институтов в разных странах. Современное понимание демократии формировалось под влиянием политико-правовых систем, возникших в результате буржуазных революций XVII-XVIII вв. — О.А. Омельченко использует в отношении последних термин «национальные»³. Имевшие вначале место в наиболее динамично развивавшихся странах — Нидерландах, Англии, Франции, США, эти революции способствовали установлению конституционного строя и правового равенства. В XIX — начале XX века воздействию революционной стихии подверглось большинство стран Европы, Америки и Азии. Конец же XX века стал временем триумфального шествия демократии, подготовленного всем ходом предшествующего исторического развития, а также разочарованием широких слоев населения в тоталитарных, а затем авторитарных государственных формах⁴. Чем позже страна начинала ориентироваться на демократический путь развития, тем большими вариантами демократических моделей и демократического опыта она располагала.

Разновременность провозглашения демократического строя в разных странах, многообразие демократических форм инициировали постановку вопроса о «демократическом центре» и «демократической периферии»⁵. А.И. Ковлер видит в нем различные стороны. Сторона, которую можно назвать идеологической, касается претензий на роль родины современной демократии. В связи с этим стоит вспомнить, что в СССР подлинной признавалась только социалистическая демократия. Последнее доказывали в своих трудах советские исследователи — постсоветские часто доказывают другое. «В отношении к Советскому Союзу термин «демократия» трудно применить, тем не менее, советские лидеры именно этим понятием оправдывали политический строй СССР», — пишет П.А. Бособрод⁶.

Теоретико-историческая сторона проблемы, по мнению А.И. Ковлера, в том, что демократический потенциал народов, находящихся на «периферии» европейского «центра», ставится под сомнение. Отсюда тенденция признавать реальной только западноевропейскую модель демократии. Но демократия — универсальная, общечеловеческая ценность, что подтверждается ее историческими

и современными формами⁷. Являющаяся в настоящее время государственным достоянием более чем сотни стран и представленная разными формами, демократия дает основания полагать, что понятия «демократического центра» и «демократической периферии» начинают утрачивать свое значение⁸.

«Европоцентристский» подход к демократии означает, что проблема «демократического центра» и «демократической периферии» касается и России. Ее рассмотрение свидетельствует: отечественная политическая история в демократическом контексте весьма своеобразна. Исторические формы демократии, сходные, при всей своей уникальности, с аналогичными западноевропейскими, видят в нашем отечестве разные авторы. Среди них - представители не только отечественной дореволюционной, советской и постсоветской историографии⁹, но и зарубежной¹⁰. В качестве исторических форм отечественной демократии рассматривают вечевой строй Древней Руси, Земские соборы, местное самоуправление периодов сословно-представительной и абсолютной монархии.

А.И. Ковлер, анализируя исторические формы демократии в России, приходит к выводу, что она «не была политической окраиной Европы», а значит, и «демократической периферией». Однако, не отрицая «какую-либо» демократическую традицию, автор видит в нашем отечестве лишь «демократическую тенденцию», которая то усиливалась, то слабела. Специфику демократии в России исследователь усматривает и в том, что она часто, по его выражению, «гнездилась не в государственных институтах»¹¹. Данный ход рассуждений можно объяснить сложностью проблемы места России в мировом демократическом процессе.

Вместе с тем А.И. Ковлер констатирует, что проблему «демократии как формы государства и как политического режима» в России впервые поставила лишь Февральская революция 1917 года¹². Поскольку демократия в современном смысле — продукт буржуазного строя, последний же — результат буржуазной революции, это закономерно.

Но тяжелые условия войны, сохранение политического порядка в охваченной революционной стихией стране создавали предпосылки для установления диктатуры. Установили ее силы, «наиболее последовательные в осуществлении диктатуры — большевики»¹³. Отсюда мнение, что «начиная с 1917 года Россия выпала из общеевропейского демократического процесса. Сегодня мы с большими трудностями наверстываем 70-летнее отставание»¹⁴.

Обычно демократизация существующей системы — следствие экономического, политического, идеологического кризиса, в связи

с чем ее рассматривают как средство модернизации. При этом путь демократизации — не однолинейный, что подтверждается примерами послевоенной истории; и, как правило, специфичный. То, как происходил отказ от авторитарного режима, определяло и особенности демократического¹⁵.

Процессы демократизации в постсоциалистических странах — также свидетельство модернизации. В ходе таковой неизменно возникал вопрос о том, какой должна быть демократическая модель. Взявшиеся за его решение отечественные специалисты по общественным наукам вначале предложили даже путь «социалистического правового государства»¹⁶.

В связи с ориентацией на западноевропейский демократический опыт, который привлекает и социально-экономическими достижениями, используется понятие «догоняющей демократии» как синонима модернизации¹⁷. «Термин «догоняющее развитие», — говорится в статье о становлении демократии в постсоциалистической России, — относится не только к экономике, но еще в большей степени к демократии»¹⁸.

Однако ориентация на западноевропейскую демократическую модель обернулась рядом проблем, связанных с особенностями политических традиций, политического сознания, политической и правовой культуры стран, в которых совершался переход от авторитарного строя к демократическому. Отсюда призывы учитывать национальную специфику, которые звучат и среди политиков, и в научной среде. «В России бессмысленно строить американскую, европейскую или китайскую конституционную модель», — пишет А.В. Серегин. Историк государства и права ссылается на собственный, отличный от других, политический путь развития России, соответствующий ее национальному правосознанию¹⁹. Но его предложения направлены, по сути, на отказ от таких незыблемых демократических принципов, как разделение государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную ветви, партийный парламентаризм. А.В. Серегин считает, что Россия нуждается в самодержавной модели власти и в имперском начале²⁰. В пользу усиления централизации власти, имперского начала высказывается и А.А. Васильев²¹.

В постсоциалистических странах, где государство по инерции сохраняло свою прежнюю роль в жизни общества, главным образом именно от него, а не от находящегося в стадии формирования гражданского общества, зависело решение проблем, касавшихся демократизации. Более того, государство взялось и за создание самого гражданского общества.

Данная роль государства не является случайной. В связи с этим есть смысл обратить внимание на замеченное П.И. Новгородцевым: демократия, представляя более позднюю и сложную форму политического развития, «требует и большей зрелости народных масс». Демократия может стать реальной, если народ созрел для управления самим собою, сам выработал свои формы организации; сознает свои права и уважает чужие, понимает свои обязанности и способен к самоограничению²².

В настоящее время демократия превратилась в мировоззренческий (ценностный) выбор и является таковым в политической жизни²³. Однако трудности демократизации в постсоциалистических странах оборачиваются угрозой возврата к авторитарному правлению. Например, то, что демократические реформы в России были преимущественно реформами «сверху», безусловно, не могло не сказаться на их темпах и последовательности. Отсюда разочарованность в демократических преобразованиях и ностальгия по прежним порядкам.

Проблема отечественной демократии и в том, что она «соразмерна нашей бедности. Бедный человек не хочет быть свободным»²⁴. Поэтому идея свободы – экономической, политической, идеологической, последовательное осуществление которой обеспечивает достаточно высокий жизненный уровень всем, приносится в жертву идеям социального равенства и справедливости. Решения же задачи обеспечить равенство и справедливость ждут от государства, что работает на дальнейшее усиление его роли в жизни общества и способствует патерналистскому началу.

Примечания

¹ См.: Козлихин И.Ю. История политических и правовых учений. Курс лекций: учебное пособие. – Москва: Проспект, 2014. – С. 6.

² Brennan J. *Against Democracy*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2016.

³ Омельченко О.А. История политических и правовых учений (История учений о государстве и праве): учебник для вузов. – М., 2006. – С. 224.

⁴ Баранов Н.А. Современная демократия: эволюционный подход / Н.А. Баранов; Балт. гос. техн. ун-т. – СПб., 2007. – С. 3.

⁵ См.: Ковлер А.И. Кризис Демократии? Демократия на рубеже XXI века. – М., 1997. – С. 38.

⁶ Бособрод П. А. Демократия как исторический и теоретический феномен: современные модели интерпретации: дис. ...канд. полит. наук. СПб., 2015. – С. 10.

- ⁷ Ковлер А.И. Указ. соч. – С. 38-39.
- ⁸ См.: Там же. – С. 99.
- ⁹ См., напр.: Сергеевич В.Н. Вече и князь. – М., 1867; Костомаров Н.И. Русская Республика. – М., 1994; Латкин В.Н. Земские соборы древней Руси, их история и организация сравнительно с западноевропейскими представительными учреждениями. – СПб., 1885; Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. – Л., 1988; Мартышин О.В. Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. – М., 1992; Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI-XVII вв. – М., 1978; Лаптева Л.Е. Земские учреждения в России / Л.Е. Лаптева. – М., 1993; Кузнецова Е.Н. Демократические институты в России: история становления // Юридический аналитический журнал. Издательство Самарского Государственного университета. – 2002. – № 2. – С. 26-28.
- ¹⁰ См., напр.: Вернадский Г.В. Киевская Русь / Пер. с англ. – М., 1996.
- ¹¹ Ковлер А.И. Указ. соч. – С. 62.
- ¹² Там же. – С. 60.
- ¹³ Четвернин В.А. Введение в курс общей теории права и государства. Учебное пособие. – М.: Институт государства и права РАН, 2003. – С. 157.
- ¹⁴ Догоняющая демократия // Аргументы и Факты. – 2005. – 12 января. – № 1-02.
- ¹⁵ См.: Ковлер А.И. Указ. соч. – С. 65.
- ¹⁶ См., напр.: Социалистическое правовое государство: концепция и пути реализации. – М.: Юрид. лит., 1990.
- ¹⁷ См.: Ковлер А.И. Указ. соч. – С. 65, 98.
- ¹⁸ Догоняющая демократия // Аргументы и Факты. – 2005. – 12 января. – № 1-02.
- ¹⁹ Серегин А.В. Демократическая диктатура и самодержавное народоправство: сравнительно-правовое исследование государственных моделей управления: монография. – М.: Юрлитинформ, 2018. – С. 169.
- ²⁰ См.: Там же. – С. 169-187.
- ²¹ См.: Серегин А.В., Васильев А.А. Монархия. Идея, история и перспективы: монография. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 279-280.
- ²² Новгородцев П.И. Об общественном идеале. – М., 1991. – С. 548.
- ²³ Краснов М.А. Конституционно-правовой смысл понятия «демократическое государство» // Судьбы конституционализма в России и современном мире. Труды кафедры конституционного и муниципального права. Вып. 7 / Отв. ред. М.А. Краснов. НИУ «ВШЭ». – М.: Издательство «Юрист», 2012. – С. 19.
- ²⁴ Догоняющая демократия // Аргументы и Факты. – 2005. – 12 января. – № 1-02.